

УДК 316.323

Гринберг Р.С.

Grinberg Ruslan S.

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ:
ИМПЕРАТИВЫ И РИСКИ**

**THE ECONOMIC
DIMENSION OF RUSSIA'S
MODERNIZATION:
IMPERATIVES AND RISKS**

В статье выявляется возвращение в глобальную экономику трех основных тенденций развития – централизации и концентрации капитала; цивилизационного развития и регионализации, которые оказывают непосредственное влияние на социально-экономическое развитие России. Критически рассмотрен опыт модернизации России за последние 20 лет, показаны причины их негативных последствий. Обосновывается необходимость смены экономической политики и демократизации государства.

Ключевые слова: кризис, модернизация, тенденции развития, глобализация, трансформация, архаизация, кадровый потенциал, экономическая политика.

Гринберг Руслан Семёнович,
член – корр. РАН,
директор Института экономики РАН,
г. Москва,
e-mail: omepi@mail.ru

© Гринберг Р.С., 2012 г.

The article reveals the return of the global economy of the three major trends – the centralization and concentration of the capital; civilizational development and regionalization, which have a direct influence at social and economic development of Russia. Experience of modernization of Russia at last 20 years is critically considered, the reasons of their negative consequences are shown. The necessity of change of economic policy and democratization of the state is proved.

Key words: crisis, modernization, development trends, globalization, transformation, archaization, human resources, economic policies.

Grinberg Ruslan S.,
Corresponding Member of RAS,
Director of the Institute of Economics
of RAS, Moscow,
e-mail: omepi@mail.ru

© Grinberg Ruslan S., 2012

Конец XX – начало XXI в. – это «золотой век» рыночной экономики и «стадного чувства». Например, американская экономика как лидер мировой экономической системы имела экономический рост 130 месяцев подряд. Это было время непрерывного обогащения: и бедные, и средние, и нищие – у всех все росло. Такого еще никогда не было. В результате возникла суперкредитная абсолютно безответственная экономика, породившая в массовом порядке, как заметил президент США Б. Обама, и культуру безответственности.

Что такое «стадное чувство»? Это значит, что все кругом что-то делают, правы они – не правы, это не имеет значения. Если несут деньги в один банк 80 человек, и остальные 100 тоже понесут. Потому что туда несут 80. И ничего с этим не сделаешь. Это значит также, что если у людей все хорошо сегодня, завтра или послезавтра, через неделю, месяц, год, то им кажется, что это никогда не кончится. Хотя умные люди знают, что так не бывает, что всегда что-нибудь произойдет. Случился же глобальный экономический кризис, который мы все только что пережили. В конечном счете сверхпотребление привело экономику к коллапсу. Чувство обогащения, жадности в хорошем смысле, жажды вещей и покупок сегодня закончилось и сменилось чувством скаредности, неуверенности в завтрашнем дне, а экономика не может работать, если вы ничего не покупаете.

Хотя некоторые эксперты считают, что экономический кризис еще продолжается, я твердо убежден в том, что он закончился и породил целый ряд новых тенденций, которые одни ученые считают обратимыми, другие – необратимыми. Это был кризис – глобальный, глубокий, жестокий. Однако это «детские игрушки» по сравнению с Великой депрессией 1929 – 1933 гг. Хочу привести один пример. Гитлер пришел к власти демократическим путем, когда безработица в Германии составляла 48,5 %. Причем безработные не получали никаких пособий, и это, конечно, была одна из главных причин его прихода к власти. Но человечество учится на своих ошибках: сегодня безработица 10 % уже считается ужасной, поскольку политические деятели боятся, что их в следующий раз не переизберут. Учатся и экономисты, которые, хотя и не придали в свое время особого значения отрыву финансового сектора от реального, тем не менее придумали одну идею, на мой взгляд, очень важную – способность создавать «деньги из воздуха».

Речь идет об идее увеличения ликвидности денег независимо от количества золота, которое они должны представлять в соответствии со старой доктриной. По-простому эту идею можно назвать «заливанием кризиса деньгами», которая на практике сработала хорошо. Этот «залив» был очень сильным, и в то время, когда выходили из кризиса, это была рискованная вещь, поскольку никто не знал, что из этого получится, но

получилось хорошо. Сегодня мы наблюдаем это явление повсеместно – и в Америке, и в Китае, и в России.

Какие существуют тенденции сегодня? После кризиса мы столкнулись с тремя великими «возвращениями», два из которых были предсказаны еще К. Марксом. Первое «возвращение» – это централизация и концентрация капитала, «merges and acquisitions» («слияния и поглощения»). Об этой тенденции мы одно время уже совсем забыли, более того, в последнее время появилось очень много научных работ о том, что компьютеризация привела к тому, что «малое» вытесняет «гигантское». Появился даже слоган «Small is beautiful» («маленькое прекрасно»). Однако это оказалось ошибкой – возвратилось научное предвидение К. Маркса о том, что мир будет жить в мире гигантов.

Второе «возвращение» – это, опять-таки по Марксу, возвращение циклов. 130 месяцев очень сильной экономической активности вроде бы убедили нас, что циклы закончились и не надо с ними бороться. Что нет никакой повторяемости, спокойно идет линейный экономический рост и все хорошо. Оказалось, что это не так. Теперь надо возвращаться к циклическому развитию, готовиться к циклам, пытаться их предугадывать.

Третье «возвращение» связано с глобализацией, вернее, со стремлением стран находить каким-то образом «зонтики» от ее невзгод. В частности, правила ВТО о формировании четырех знаменитых свобод – свобод передвижения денег, людей, услуг, товаров – ведет к тому, что в мире идет борьба между неравными игроками, т.е. на ринг выходят тяжеловесы и легковесы. Раньше это не считалось важной проблемой, а теперь считается существенной, потому что появилось стремление «кучковаться» – стремление к регионализации. Это очень серьезное «возвращение», поскольку, несмотря на всю критику Европейского союза, весь мир очень завидует этому союзу, завидует его сплоченности, несмотря на имеющиеся разногласия между его участниками. Вся 50-летняя история Европейского союза – это три шага вперед, два шага назад. В результате они продвигаются. Им удалось создать единую валюту – общий забор от остального мира, несмотря на то, что они тоже выступают за либерализацию.

Для России это тоже имеет очень большое значение. Есть, например, такая страна, как Китай, численностью в 1,5 млрд человек. Им не нужна никакая региональная группировка: в науке и на практике доказано, что для существования оптимальной валютной зоны достаточно 280 – 300 млн человек. Такая валютная зона позволяет осуществлять эффективную экономическую интеграцию. В этом смысле России с ее 140 млн человек не повезло, и она обречена в этом смысле каким-то образом вокруг себя создавать региональный союз. Сегодня в этом направлении уже не только слышны ритуальные заклинания по поводу того, что мы зря разбежались и пора возвращаться, но и происходит нечто более существенное. В частно-

сти, Таможенный союз демонстрирует какие-то первые шаги, и я очень надеюсь, что к этому союзу присоединится и Украина. Украина здесь – самый чувствительный нерв, поскольку ее руководители никак не могут решить, где быть. Но на самом деле они все знают – они хотят быть везде. Это, конечно, экзотика, но я бы на их месте точно так же поступал. Находясь между двумя гигантами – Европейским союзом и Россией, они пытаются маневрировать: быть и в зоне свободной торговли, и в Таможенном союзе. При этом они всех убеждают, что, мол, не волнуйтесь, ничего страшного в этом нет. Однако, когда речь пойдет о каких-либо конкретных проблемах, то выяснится, что это невозможно, поскольку невозможно быть в двух таможенных союзах. Так или иначе, единое торговое пространство необходимо для России, это очень важный момент для нее.

Еще одна новая тенденция в развитии общества после кризиса связана с нашими представлениями о постиндустриальном мире. Мы все привыкли говорить о том, особенно когда читаем лекции студентам, что живем в постиндустриальном мире.

И, наконец, третья тенденция: кризис продемонстрировал тот важный факт, что мы живем в одной «большой деревне» (я бы сказал – «большом мегаполисе»). И это уже не метафора, поскольку нет национальных экономик, она, действительно, глобальная, за исключением Кореи, Кубы, все в нее втянуто. Но при этом есть проблема, которая заключается в том, как сказал один американец, что в этой большой деревне дома находятся в разных веках. Это создает мощный конфликтный потенциал, который требует глобального управления. Примером этому служит единый центральный банк в Европе.

Теперь о позиционировании России в мировой экономике и итогах ее экономического развития в эпоху трансформации. Надо сразу сказать, что социально-экономические итоги последних двух десятилетий в России вызывают смешанные чувства. С одной стороны, наша страна влилась в «мейнстрим» общего потока рыночной глобализирующейся экономики. Надо признать положительными многие результаты состоявшихся рыночных преобразований. Их очевидная полезность заключается в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. Исчез униженный дефицит товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. Прекратилась идеологическая война с «вещизмом», восстановлено право людей на «уют». Особенно отрадно, что раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Происходит становление предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки скептическим предсказаниям большинство граждан освоили «рыночный» образ мыслей и действий. Устранена советская уравниловка в личных дохо-

дах, виден ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно приобретать ранее недоступные товары и услуги. Наконец отмечу, что после 70 лет господства принципиально иной хозяйственной системы достаточно быстро были созданы и, худо-бедно, но начали функционировать формальные институты рыночной экономики, т.е. коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и т. д.

С другой стороны, преимущества нового «экономического порядка» никак не ощущаются большей частью населения страны. Экономическая система в России оказалась подверженной примитивизации и архаизации, она как бы оказалась в XIX в. – одновременно стала и рыночной, и асоциальной, а это вовсе не характерно для развитых государств, на которые нам следовало бы равняться. Результаты рыночных преобразований в России с отрицательным знаком более зримы. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ утрачена значительная часть экономического потенциала. Хуже то, что пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда, деградации социальной сферы. Плюс к этому появилась массовая бедность, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса. В 90-е гг. XX в. Россия заметно отделилась от западных социально-экономических стандартов и приблизилась к усредненным характеристикам стран «третьего мира» с громадной поляризацией личных доходов. В частности, по поляризации доходов мы превосходим даже латиноамериканские и африканские страны. В Москве средние доходы 10 % самых богатых почти в 70 раз превышают доходы 10 % самых бедных. Разрыв по стране – почти в 40 раз. Для сравнения: в странах Северной Европы показатель составляет 4 – 5 раз, в США доходит до 12, но надо учесть, что у них другой менталитет по отношению к богатству. Крайне низким остается уровень накопленных граждан. Банковские вклады, включая зарплатные карточки, имеют лишь около 30 % россиян, и размер их вкладов невелик. Только 0,7 % населения владеют акциями. Те, у кого есть более значительные средства, предпочитают вкладывать в западные банки, в недвижимость.

Еще один неутешительный итог реформ в России – это утрата общественной солидарности, разобщение социума. Среди составляющих непомерной социальной цены, которую пришлось уплатить за радикальные экономические реформы, – пренебрежение нравственно-психологическим миром человека. Интенсивное искоренение морально-этической компоненты из общественного бытия деформирует повседневную жизнь граждан. Демографические исследования показывают, что более двух третей

причин депопуляции связано с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими явлениями, как социальная депрессия, апатия и агрессия. Резкий поворот массового сознания к обогащению любой ценой оказался для значительной части населения тяжелой психологической травмой, источником как личных трагедий, так и различного рода социальных патологий.

Хуже всех в России пришлось весьма многочисленному среднему классу, чей жизненный уровень по сравнению с другими группами населения упал особенно резко. Речь идет о преподавательской, технической, научной интеллигенции, управленческом персонале среднего звена, деятелях культуры и т.д. С этим классом связано появление в конце 1950-х гг. в СССР если не элементов, то определенных предпосылок гражданского общества. Характерными чертами многих его представителей были солидный общественный статус, высокий уровень образования и денежных доходов, уверенная самооценка, умение противостоять политическому манипулированию, чувство собственного достоинства, т.е. все те признаки классового сознания, которые отличают средний класс от среднего потребительского слоя. Эти люди были особенно заметны в крупных промышленных центрах. Наличие такого потенциала выдвигало СССР на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран.

Однако инновационный кадровый потенциал не был задействован реформаторами в строительстве нового общества в России. Более того, именно средний класс испытал наиболее сильную экономическую и социальную депривацию в процессе проведения реформ. От этой социальной группы постарались как можно быстрее избавиться. Большинство ее представителей было выброшено на обочину социальной жизни, очень многие эмигрировали. Таким образом, один из главных факторов успешного перехода к либеральному рынку и демократическому государству – творческий ресурс населения, вместо того чтобы быть использованным, оказался в значительной степени разрушенным. Резкое ослабление научно-технического и человеческого потенциала является невосполнимой потерей, которую понесла Россия за последние 20 лет.

Важно вспомнить и о таком социальном последствии реформ, как растущая пропасть между властью и народом. Отчуждение населения от государственного аппарата, характерное для тоталитарного режима, не только не исчезло, но в ходе реформ даже усилилось. Фактически государство превратилось в замкнутую самодостаточную корпорацию, а огромная часть населения, в первую очередь бюджетники, наемные работники, пенсионеры, дети, инвалиды, – в обузу для членов этой корпорации.

Наконец, надо прямо сказать, что реально плодами преобразований в России воспользовалась незначительная часть населения, а остальные ведут еще более упорную борьбу за существование, чем в советские вре-

мена. Поэтому результаты реформ в России не заслуживают иного обозначения, кроме «позорных», уже потому, что они породили огромное число бедных, но работающих россиян, и это после того как в XX в. СССР помог Западу стать социальным, а Китаю – промышленным.

Таков перечень основных составляющих социальной цены, уплаченной за радикальные рыночные реформы. Чрезвычайно высокая социальная цена реформ в России стала главной причиной того, что в общественном сознании сами понятия рынка, свободы и демократии оказались во многом дискредитированными.

В постсоветской России, после воцарения идеологии пришедших к власти рыночных волонтаристов, вопреки всякой логике в самом плачевном состоянии оказались как раз те сферы, которые в развитых странах являются барометром общественного и экономического здоровья: наука, образование, культура, здравоохранение, т.е. те самые основные позиции, которые ради собственного блага должно систематически поддерживаться государством. Между тем понятно: если не будет культуры, образования, науки, здравоохранения, то не будет в стране здоровья ни в чем, в том числе и в экономике. Расходы на эти сферы надо повысить, хотя бы до среднего уровня в Евросоюзе.

Еще один неутешительный итог: нам так и не удалось начать структурную перестройку и диверсификацию экономики, создать конкурентную среду, независимую судебную систему и реальные гарантии частной собственности, предложить адекватную задачам развития промышленную и бюджетную политику, основанную на стратегическом планировании. Нерешенность перечисленных проблем предопределяет и инвестиционную непривлекательность экономики, и молчание в ответ на каждодневные призывы «длинных денег». Обратной стороной этих процессов стали «увязание» нашей экономики в трясине зависимости от экспорта углеводородов и другого сырья, деградация перерабатывающей промышленности, преобладание импорта при низком внутреннем спросе.

У России, и это признано всем миром, есть два мощных конкурентных преимущества, два потенциала: природный и интеллектуальный. Именно поэтому в индексе динамики человеческого развития Россия последние двадцать лет всегда занимала приличные места. Но если наш природный потенциал применяется больше чем на 100 %, то в плане использования интеллектуального потенциала мы потерпели самое большое поражение. Это было связано с тем, что переход к рынку на основе концепции праволиберального направления, или рыночного фундаментализма, объективно привел к тому, что у нас слишком рыночная страна, может быть, самая рыночная. Рынок – это синоним нормальной экономики, но он не терпит никаких мечтаний, никаких долгосрочных проектов, ему надо все и сразу. И если в этот момент государство отказывается от своих

функций, то маркетизация жизни ведет к ее примитивизации, а иногда и архаизации, что собственно и происходит сегодня в России.

В нашей стране наблюдаются, конечно, удивительные вещи: недавно одна группа выпускников физтеха (около 85 %) после получения образования сразу же уехала в Америку. Как относиться к этому факту? С одной стороны, это хорошо, поскольку подтверждает высокий статус российской науки. С другой стороны, это углубляет разрыв между Россией и остальным миром. Через 5 – 7 лет Россия, конечно, будет другой страной, в чем-то интересной, в чем-то креативной. Но она не будет страной-лидером в технологиях, страной с современной политической и экономической системой. И это очень серьезная проблема, которая стоит сейчас перед Россией, и правящий класс, похоже, это понимает, о чем свидетельствует очень правильная его риторика насчет модернизации. Похоже, что есть и понимание того, как решить эту проблему. Однако при этом существует большой риск, связанный с тем, что, на мой взгляд, есть некое неверие в то, что еще можно повернуть вспять примитивизацию экономической системы в России. Поэтому упор фактически делается на проекты, которые еще как-то можно контролировать, я имею в виду подготовку к Олимпиаде или Сколково.

В моем представлении Сколково – это символ неверия в собственные силы. В России еще есть вполне здоровые наукограды. Но они с каждым годом, с уходом людей, которые персонифицируют это здоровье, постепенно деградируют, и тем самым возникает проблема выживания российской науки в целом. Это обстоятельство накладывает очень серьезную и большую ответственность на «правлящий дом» в том смысле, что надо позаботиться хотя бы о сохранении 5 – 7 научно-производственных брендов, которые могли бы каким-то образом быть необходимыми, даже если у нас появятся инновации. Кроме того, если в Сколково или других структурах, которые будут созданы с чистого листа, появятся серьезные инновации, то у нас нет индустриальных комплексов, способных их реализовать. Собственно, у нас на практике нет спроса на инновации. Но этот спрос достаточно существенен в остальном мире, и я думаю, что в лучшем случае у нас будут просто патенты, а наши научные достижения будут реализованы за пределами России.

Обозначенные выше проблемы – все это «болевы́е точки», с которыми экономисты не смогут справиться без политиков. В настоящее время еще сохраняется надежда на то, что процесс примитивизации и архаизации экономической системы в России можно остановить, поскольку «правлящий дом» начинает понимать, что мы что-то утрачиваем, что страна идет немного не туда. Постепенно приходит и осознание того, что западный мир уже «переболел» утопиями гармонии административного плана и гармонии рынка, что нужен поиск какого-то синтеза, и некоторые

отечественные академические сообщества, в частности, Институт экономики РАН, находятся в поиске этого синтеза. Однако у нас, к сожалению, очень мощная инерция, инерция, связанная с обожанием западной моды, и поэтому если на Западе мода уже прошла, то у нас продолжается инерция ее применения.

Кроме того, чтобы верно оценить ход рыночных реформ в России, необходимо учитывать культурные предпосылки ее социально-экономической динамики. При этом культура рассматривается в широком понимании, т.е. речь идет о культурных традициях, ценностных ориентирах и нравственных установках, принятых в обществе. Очевидно, что именно они существенно воздействуют на поведение человека в процессе хозяйственной деятельности и в конечном счете на функционирование самой экономической системы. Механическое заимствование норм и законов, сложившихся в иной культурной среде, на другой почве, может оказаться не только неэффективным, но и опасным с точки зрения социальной стабильности. Без преувеличения можно утверждать, что огромная социальная цена рыночных трансформаций в России была во многом обусловлена игнорированием культурной компоненты в оформлении и реализации социально-экономических программ.

В переживаемый исторический период на долю нашей страны выпало три экономических «улыбки фортуны». Первой из них была перестройка. Однако попытка М.С. Горбачева провести модернизацию общества через установление баланса порядка и свободы была парализована страхами «красных директоров» и нетерпением «рыночных радикалов». Постперестроечные российские руководители оказались во власти отсталой, инфантильно-провинциальной философии «невидимой руки рынка»: «Рынок все отрегулирует сам». Он и отрегулировал: все, что не приводило к немедленному обогащению, было закрыто или заброшено. Первый шанс оказался неиспользованным.

Вторым шансом в прошлом десятилетии стали сверхдоходы от продажи углеводородов. Однако они пошли преимущественно на помощь США в покрытии бюджетного дефицита и на возмещение потерь «новых капиталистов» в результате их бесхозяйственности. И опять на модернизацию экономики денег не осталось.

Третьей и, возможно, последней экономической «улыбкой фортуны» стал для нас мировой экономический кризис. Предприятия стран Европы испытывают ныне понятные серьезные трудности в сбыте современного оборудования, в то время как многое из лежащего на складах было бы необходимо России. В общем, опять появился шанс выгодно модернизировать наше хозяйство, пока нам готовы все нужное продавать, и недорого. Но о масштабных закупках мы до сих пор практически не слышим. Видимо, это тоже вопрос политического решения.

В целом экономика России в период модернизации находится в ожидании политических решений. Однако при этом надо отметить, что одной из главных ошибок в преобладающем у нас подходе к осуществлению модернизации является стремление решать проблемы не комплексно, а частями и поэтапно. Некоторые серьезные экономисты, имея в виду специфику России, считают, что сначала следует модернизировать государственный аппарат и только потом наделять его современными функциями по модернизации экономики. Представляется, что это иллюзия: надо все делать одновременно – бороться с коррупцией и проводить структурную политику с помощью реально существующего госаппарата, как бы он ни был далек от идеала. Иначе мы рискуем никогда не дожждаться результатов предполагаемых усилий.

В целом сегодня трудно избавиться от ощущения, что экономическая философия российских реформаторов, положенная в основу конкретной политики, сегодня никак не изменилась по сравнению с началом 90-х гг. Установка на разгосударствление экономики по всем линиям никуда не делась, хотя и создаются мощные холдинги. Попытки маркетизации всей жизни не прекращаются, несмотря на богатейший печальный опыт «либерализма без берегов», из которого давно пора бы извлечь хоть какие-нибудь полезные уроки. В связи с этим следует подчеркнуть, что необходима смена экономической политики. Однако для того чтобы эта смена произошла, нам пока еще не хватает демократии, несмотря на всю ее дискредитацию в сознании простых людей. Именно демократия является очень важным условием изменения экономической политики, потому что правительственные и неправительственные экономисты приобретают право на изменение этой политики только в результате смены политической власти.